

Неделя. - 1992. - арх. (N-15). - с. 8-9.

Б

ЕСНОЙ 1969 года Эраст Гарин сказал киноактеру Павлу Виннику: «Позови на репетицию «Горя от ума» Изольду Извицкую... Очень хочется с ней поговорить и поработать...» Через полмесяца Винник случайно встретился с Изольдой в гардеробе Театра-студии киноактера. Она стояла с головы цветной платок, печально улыбнувшись и, подойдя к высокому зеркалу, сказала: «Ты видишь мое лицо, Паша... Кончилась актриса... Нет ее больше...»

«Я давно не видел Изольду Васильевну, — вспоминает Винник, — она еще сохранила свою природную мягкость и женственность, но меня поразили ее усталые, потерявшие свою прелесть глаза, замятная прядь в волосах, серое землистое, несколько припухшее лицо... А ведь ей было только тридцать семь лет...»

Пред мой случайно сохранившийся членский билет № 087 Изольды Васильевны Извицкой, принятый в Союз кинематографистов ССР 21 декабря 1960 года. Ни за 1969-й, ни за 1970-й и 1971 годы взносы не уплачены. Она стала кинематографической звездой уже в конце пятидесятых годов, но ее стремительный взлет завершился через семь-восемь лет столь же стремительным падением.

Летом 1950 года восемнадцатилетней выпускнице пятью средней школы из маленько города химиков под Горьким внезапно ушла со школьного вечера и, покинув дом и школу, через несколько дней, объявив, что ездила в Москву и подала документы во ВГИК. Родители, мать — педагог, отец — инженер-химик, не возражали. Вскоре Изольда пришла на актерское отделение ВГИК. Применную комиссию пленени естественность, обаяние и несколько наивности, первозданная чистота выражения ее чувств и даже чуть заметный волнистый говор, этой удивительно миловидной темноволосой девушки с косичками и длинными ресницами.

Извицкая учились в кинестудии в первом, малокартины, когда каждое указание Сталина работникам литературы и искусства воспринималось, как откровение. Она бывала на бурных собраниях, где обсуждались мысли вождя о проблемах изысканности и склонялась буржуазных космополитизм, ходила на просмотры картин «Падение Берлина», «Незабываемый 1919 год»... Вместе с ней учились будущие кинозвезды Р. Ниронова, Т. Конюкова, Н. Румянцева, В. Владимирова, Ю. Юхтина, А. Пархоменко. Этому актерскому поколению предстояло сыграть серьезную роль в становлении советского кинематографа, особенно после выхода в 1954 году таких картин, как «Большая семья» и «Верные друзья».

Извицкая начала сниматься еще студенткой с маленьких ролей официантки в фильме «Богатырь» идет в Март» и «Кэтрин в «Тревожной молодости». А. Алов и В. Наумова. Ее дипломной работой стала образ современника — любебойной и женерадостной Маши в кинокомедии А. Фролова «Доброе утро», имевшей тогда большой успех. Женские образы, созданные Извицкой в те годы, были в чем-то убедительны и привлекательны для зрителя, оценившего естественную манеру игры, женственность и обаяние молодой актрисы, которая тем не менее не могла вырываться из традиционно-упрошенных схем «простого советского человека».

Изольда Извицкая взошла на кинематографический Олимп только после картины Григория Чухрая «Сорок первых». Фильм Чухрая, вышедший на экраны через три года после смерти Сталина, был одним из первых нетрадиционных и честных фильмов.

мов о гражданской войне. Кроме того, Изольда Извицкая встретила своего режиссера. Актриса, которую Г. Чухрай первоначально планировал на роль Марютки, оказалась в другой съемочной группе. И тогда директор «Мосфильма» кинорежиссер И. Пирьев решительно сказал Чухраю: «Разве у нас мало интересных актрис. Возьмешь Изольду Извицкую!»

Кинопробы Извицкой устроили режиссера, подобравшего ей достаточно и опытного партнера — артиста Олега Стриженова. Роль Марютки была для актрисы первой большой работой в кино. В творческом общении с Г. Чухраем, как рассказывал сам режиссер, в то время возникли определенные трудности: Извицкая, интересно проявлявшая свой талант в лирико-романтических сценах, чувствовала себя не совсем уверенно, когда режиссер просил или требовал от нее раскрыть социальную страсть Марютки, ее пролетарскую непримиримость, драматическую борьбу двух чувств — любви и «глубоглазеному» поручи и ненависти к представителям его класса. Страна эта роль на острых и вместе с тем тонких контрастах, Чухрай добился своего помощью длительных поисков, раздумий, репетиций. Изольда Извицкая уже была замужем за кинорежиссером Эдуардом Бредуном. Увидев, что она тоскует по мужу, Чухрай вызвал ее из Москвы, поручив изобразить казака на коне в массовых сценах.

Фильм имел огромный успех. Вместе с Г. Чухраем и О. Стриженовым Изольда Извицкая в 1957 году побывала во Франции, на Каннском кинофестивале. Во Дворце кино на нее обратился шансонье аплодисментов. В двадцать пять лет к Извицкой привнесла слава. Она восторженно смотрела на мир с обложек советских и иностранных журналов, ее героини изображались на почтовых открытках, выходивших массовыми тиражами. В Париже открылось кафе «Изольда». Популярную актрису повторили вспомнили, как к податливому «человеческому материалу», из которого выживались нужные для фильма эмоции. Извицкая была яркой лирико-драматической актрисой, и именно в этом направлении должен был развиваться ее талант после успеха в роли Марютки. Весьма незащищенный и скромный человек, она нуждалась в особом поддержании, ее творческая личность требовала глубокого и пристального внимания, с ней нужно было долго и упорно работать, ее доверием нельзя было злоупотреблять.

Но постепенно в ее творчестве начались серьезный спад, ставший особенно очевидным во второй половине шестидесятых годов. Извицкая снялась в двадцати двух картинах, из них семнадцать сделаны до 1964 года, но любимой и главной ее работой в кино осталась роль Марютки.

ВОСНОВНОМ она играла вторые женские роли, однако не отказалось от предложений выступить в эпизоде. Ей не пришла известность слабая, нелепая комедия А. Тутышкина «К Черному морю» (1957 г.), где она явилась зрителю в главной роли студентки Нади Кручининой, совершившей увлекательную поездку к морским берегам в сопровождении жениха и поклонника. А в известной картине А. А洛ва и В. Наумова «Мир входящему» (1961 г.) она несколько раз мелькнула на экране в облике девушки-регулировщицы. В 60-е годы наболее интересной и значительной ее работой стала разведчица Паша в четырехсерийном телевизионном фильме Сергея Колосова «Вызываю огонь на себя» о подпольной борьбе в годы Великой Отечественной войны.

Сергей Колосов помог ей обрести второе дыхание. Он много работал с актрисой, рассказывал о партизанах, приглашал на встречи с героями подполья, создавал почву для эмоционального восприятия острых драматических ситуаций. Он видел, что в ее работе отрицательно сказывалось «отсутствие накоплений в сфере актерского ма-

териала, интерес к театру и хорошему книге, в ее лексиконе никогда не было ни одного бранного или грубого слова. Человек добродушный и отзывчиво сердца, жизнерадостная и общительная женщина, она быстро сходила с людьми и ходила от души, слушая анекдоты или забавные истории.

Все, кто знал Изольду Извицкую, в один голос отмечают ее удивительную целомудренность,

интерес к театру и хорошему книге, в ее лексиконе никогда не было ни одного бранного или грубого слова. Человек добродушный и отзывчиво сердца, жизнерадостная и общительная женщина, она быстро сходила с людьми и ходила от души, слушая анекдоты или забавные истории.

«Вероятно, — признается режиссер, — такая беседа не имела смысла, я не хотел быть воспитателем взрослого человека... Я

и судьба многих спившихся актеров, лишенных работы, внимание и человеческой поддержки. Чухрай рассказывает, что однажды он встретил на студии начальника производственного отдела «Мосфильма», который сказал ему: «Поговори с Извицкой, она приходит пьяная на съемки».

Актёры рассказывали мне, что во время кинофестиваля в Горьком из комнаты гостиницы, с которой занимали Бредун и Извицкая, был слышен такой разговор: «Мне плохо, Эдик... Я

и Галина Фролова, что с этой работой она справиться не может. Ее запирали на замок в номере гостиницы, чтобы отградить от алкоголя. На кинопробы Извицкую не вызывали: болились.

В начале 1969 года друзья Извицкой попросили кинорежиссера Самсона Самсонова помочь ей. Он привез ее в крошечную бессоловесную роль в своей картине «Каждый вечер в одиннадцать». Командировка в Сочи, гонорар. «Вы меня очень

крывала только по условному сигналу. Извицкая боялась звонить в диспетчерскую «Мосфильма», куда штатные актеры были обязаны сообщать, что будут делать в ближайшие дни. Она обязательно придет». В ближайшем магазине-стекляшке иногда покупала водку, но чаще это делали по ее просьбе соседи или знакомые. Несколько раз Извицкую видел в магазине актер Иван Савин. Он сидел на подоконнике, прикрыл лицо платком. Руки ее тряслись. «Раз два я помог ей прибрести столь желанную бутылку», — вспоминает актер.

Нет сомнения, алкоголь был для нее в эти дни тоски и одиночества «самоистребляющим соблазном», ее пьянью уже определилось острой душевной болезнью, стремлением обрвать все нити, связывающие ее с действительностью. «Вита, — сказала она однажды Виталию Войтенко, — слышали напротив нашего дома звуки магнитофона? Кто-то крутит пленку со словами: «Извицкая — пьяница», «Извицкая — алкоголик»... Я не могу это слышать».

В феврале мы встречались довольно часто, я привозил ей еду. Однажды она посыпала меня к знакомому в соседний дом, где мне вручили три рубля для Извицкой.

Второй половине февраля

художественный руководитель Театра-студии киноактера Рудник сказал мне: «Передайте Извицкой, что мы скоро вызовем ее на репетицию пьесы Гусева «Слава». В тот же день мы с Изольдой Васильевной вместе читали фрагменты этой пьесы. После 20 февраля я заходила к ней несколько раз, но дверь никого не открывалась. Записку, освещенную мной в почтовом ящике Извицкой, кто-то забрал, и я успокоилась, думая, что она куда-то уехала.

В конце февраля и в два первых марта в дни в Театре-студии киноактера ожидали прихода Извицкой на репетицию. Кроме того, ей нужно было срочно расписаться в ведомости и получить наконец свою зарплату за последние две месяца. Третьего марта диспетчер театра, обеспокоенная тем, что телефон Извицкой не отвечал, посыпал его пойти на квартиру своей бывшей жены и, если никто не отзовется, открыть дверь своим старым ключом. Но Бредун не смог попасть в квартиру — дверь была закрыта, а ключ торчал в замочной скважине с другой стороны. Вызвали милицию, следили из ЭЖКа, они без особого труда взломали закрытую дверь.

Изольда Васильевна лежала на полу как-то боком в стеканом французском калатике, головой — на кухне, худенным телом — в комнате. Увидев все это, Бредун громко сказал: «Уже на балконе, в вышитой караульной шубе и русском цветном платке. Она крепко держала в правой руке старенькую авоську с двумя пустыми бутылками из-под кефира и газетным свертком. Обогнув ее, я обернулся и сразу же узнала Изольду Извицкую. Мы давно не виделись, и ее лицо показало мне более болезненным и одутловатым. Он ушел, не заплатив за квартиру, обинив в алкоголь, забыв о тех временах, когда пользовалась ее спальня. Извицкая не находила себе места от отчаяния.

НЕКОТОРОЕ время она легла в больницу от чирского истощения, но через месяц после окончания курса лечения все вернулось на круги своя — теперь к алкоголизму добавилось серьезное душевное расстройство.

Длительное время Извицкая почти не выходила из дома, не ходила ни в гости, ни к врачам. Окна квартир были наглухо зашторены. Как вспоминает часто приглашавший ее на визиты к Извицкой Виталий Войтенко: «Мы пришли в гости к Изольде. Мы были потрясены, увидев, что она сильно избыта. Она показала нам множество ссадин на руках и телес, синяков подтеки под глазами, но не сказала, кто это сделал. И вдруг Изольда заявила: «У меня есть альпинистская настокка... но совсем немножко».

Людмила сказала мужу: «Витя, скажи в магазин». Войтенко привел ее в чирский магазин. Он крепко держал в правой руке пустую авоську с кефиром и газетным свертком. Обогнув ее, я обернулся и сразу же узнала Изольду Извицкую. Мы давно не виделись, и ее лицо показало мне более болезненным и одутловатым. Чем прежде, она производила впечатление человека не от мира сего.

Изольда Васильевна лежала на полу как-то боком в стеканом французском калатике, головой — на кухне, худенным телом — в комнате. Увидев все это, Бредун громко сказал: «На лице отчетливо проступали характерные пятна, слесари проверяли: «ты что, не видишь, она же мертвая?». Видимо, актриса шла на кухню, но, потеряв сознание, упала на умрела. Судя по всему, пролежала так больше недели. Еды в доме не было никакой, лишь кусочек хлеба, наколотый на вилку, лежал в металлической селедочнице. Я слышала, как следователь, приехавший на место происшествия вместе с врачом, сказал: «она на балконе, в стеканом калатике, головой — на кухне, но, потеряв сознание, упала на умрела. Однако по настоянию прокурора Бредун сдала Извицкую на вскрытие. Извицкую обнаружили «отравлением организма неизвестными ядами, слабостью сердечно-сосудистой системы».

Поползли слухи: «Изольда Извицкая отправилась в поиски счастья». Ее супруга, Аркадий Бернштейн, вспоминает: «Изольда Извицкая отправилась в поиски счастья».

— Ой деточка, маленькая,

здравствуй! Не хочешь зайти ко мне?

— спросила она, потирая маленькие руки.

Ее глаза прозрачные, блестящие.

Она сидела на кухне, на

кухонном столе, на

кухонном стуле, на

кухонном кресле.

Изольда Извицкая в ступенчатые

стенки кухни, на

кухонный стол, на

кухонный стул, на

кухонное кресло.

Изольда Извицкая в

стуки, в

</div